

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81

DOI: 10.18101/1994-0866-2018-2-4-3-8

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА ТЕОРИИ АРТЕФАКТОВ В ВОПРОСЕ ОПИСАНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

© *Дашинимаева Полина Пурбуевна*

доктор филологических наук, профессор кафедры перевода
и межкультурной коммуникации,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: pdash@bsu.ru

В статье предлагается рассмотреть возможность аппликации теории артефактов М. Коула в качестве методологического инвентаря для описания современных проблем функционирования региональных языков РФ. Теория позволяет изучать объект системно в сумме всех составляющих, что значит, предлагает трансдисциплинарную стратегию исследования. По-новому использованная методология, совмещающая психолого-культурологические идеи, теории эволюции знака, нейрофизиологические факторы естественного семиозиса, предоставит возможность описания регионального языка как семиосферу — полидисциплинарное исследовательское поле. Если все составляющие трех звеньев теории будут релевантно описаны, на их основе исследователи смогут разработать системную программу языковой политики региона РФ по ревитализации языка.

Ключевые слова: методология; теория М. Коула; артефакты; региональный язык; ревитализация.

Теория артефактов, описанная американским психологом Майклом Коулом в работе «Культурно-историческая психология: наука будущего» (1997 г. в пер. на русский язык), обладает большим аппликативным потенциалом благодаря следующим достоинствам:

- позволяет дать объекту целостную характеристику;
- расширяет исконное значение «орудия труда, изготовленные человеком» до идеальных отношений между рассматриваемыми объектами;
- вводит в предмет исследования психологическую составляющую, которая выводит нас в процесс познания-мышления;
- постулирует единство материального и символического в человеческом познании, что позволяет прекратить спор о том, является ли культура внешней по отношению к индивиду, или включает внутренние структуры в виде знаний и представлений [2, с. 141–142].

Согласно данным принципам, культура логично представляет собой трехкомпонентную структуру из культурных моделей и специально сконструированных «альтернативных миров», материальных и идеальных объектов. Идеальная составляющая культуры указывает на то, что человек *не*

мыслит физическими референциальными содержаниями, а обрабатывает и перерабатывает продукты познания в образах — знаках Пирса.

Три уровня артефактов — первичные, вторичные и третичные — представляют собой соответственно:

- 1) материальные продукты культуры;
- 2) культурные схемы, модели, сценарии (*ритуалы, церемонии, традиции проведения тех или иных мероприятий, стиль обращения к старшим, стратегии коммуникации, общелогические приемы обобщения, сравнения и т. д.*);
- 3) автономные когнитивные артефакты — правила, договоренности, основы схем и сценариев, причины и основания физического и ментального поведения носителя культуры — все то, что служит инструментом для изменения имеющейся практики.

М. Коул предупреждает исследователей культуры об ошибке позиции европоцентризма — подхода к применению измерителей одной культуры в ситуации оценки другой культуры, ведущего к умозаключению о существовании более и менее продвинутых культурных сообществ. Единственный выход — применять показатели самой культуры и изучать ее изнутри [2].

Учитывая, что данная теория распространяется на все виды обще- и этнокультурного проявления человека, мы решили использовать ее как методологический каркас в вопросе лингвогенеза регионального языка России (бурятского, калмыцкого, хакасского, языков северных народов и т. д.), поскольку речемышление является значительной и значимой частью культурной актуализации субъекта. Так, к артефакту–1 относим внешние речемоторные характеристики звучащей или письменной речи, к артефактам–2 относим когнитивные механизмы производства и восприятия речи (ненаблюдаемую довербальную часть семиозиса), к артефактам–3 — исходные причины-основания сегодняшнего функционирования регионального языка. Такой подход обеспечивает системность и самого исследования, и представления объекта «язык как регрессирующее явление культуры».

С другой стороны, подводка психолого-культурологической теории под когнитологический аспект семиозиса удачно формирует полидисциплинарное исследовательское поле — семиосферу регионального языка (в рамках терминологии Ю. М. Лотмана). Далее для обеспечения трансдисциплинарной стратегии исследования изучаются проблемы его функционирования в рамках теории эволюции знака [5; 6–8; 9), которые обосновываются нейрофизиологическими принципами естественного семиозиса; дескрипция осуществляется на основе обзора междисциплинарных экспериментальных исследований; в основе прескрипции путей ревитализации регионального языка находится нормативно-правовой аспект языковой политики региона.

На уровне артефакта–1 рассматриваются внешние признаки естественной коммуникации. В связи с тем, что региональные языки РФ функционируют на крайне маленьком по объему словаре, обратимся к теории «педоморфозиса» / «ноотении» — отхода языка к ранее усвоенному простому [6–8]. Согласно В. Bichakjian, в процессе эволюции язык отбрасывает более позднее,

т. е. более сложное, поскольку раннее заложено в генах, позднее — нет. Но при этом простота формального знака не есть обязательный показатель, к чему стремится язык. Приведем характерное для данного автора размышление: *The task of the observer who wants to ascertain the occurrence of evolutionary changes in linguistics is not therefore to behold the material complexity of a linguistic feature, but to check the functional yield of the energy spent for its production... Material complexity is therefore a misleading indicator: instead, it is the material simplicity combined with the degree of functionality that provides a measure of language evolution* [5, VI, 15] ‘Исследователь, который ставит задачу выявить наличие эволюции в языке, не должен ставить задачу освидетельствовать материальную сложность языкового признака, а должен проверять функциональный объем энергии, потраченный на его продуцирование... Поэтому материальная сложность есть фактор, вводящий в заблуждение. Напротив, обеспечивает измерение языковой эволюции материальная простота вкупе с соответствующей степенью функциональной способности’ (перевод наш. — П. Д.).

Таким образом, описание функционирования языка не сводится к измерению сложных языковых моделей, которые присущи письменным текстам прошлого. Однако в равной мере это не означает, что они вовсе не являются объектом исследования: сейчас речь идет о функциональном состоянии языка «здесь и сейчас».

Задаче изучения энергии / усилий, которые тратит говорящий на производство и восприятие речи, посвящается второй этап исследования. Здесь крайне уместно рассматривать региональный язык вкупе с русским языком как интерязыковое когнитивное пространство взаимоотношений между языками билингва на основе интегрирования данных когнитологии, психолингвистики и нейрофизиологии. В нашем понимании интерязык — это своего рода промежуточная система-консенсус когнитивного соперничества кодов [1]. Другими словами, интерязык нами понимается и как отношения между языками, и как надстандартная форма языка.

Артефакт–2 — это те факторы, которые предопределяют непоступательную эволюцию знака регионального языка, т. е. ответ на вопрос: Как происходит функционирование регионального языка в коре мозга российского билингва, каким образом происходит противоборство двух его языков? К данным когнитивным факторам можно отнести:

- 1) раздельность активации формы и семантики;
- 2) статика «тела» формального знака на фоне постоянной динамики концептуально-семантической системы;
- 3) нейрофизиологическое состязание языков на основе принципа частотности;
- 4) системогенез, т. е. готовность генерирования новых способов согласования/специализации клеток.

Из названных факторов именно нейронную автономность формы и семантики следует принять в качестве эпистемы (предзнания) в любом лингвистическом исследовании. Это значит, что тезис «Мысль формируется в

слове и только в слове!» является, по меньшей мере, в корне неправильным. Если бы мысль активировалась в слове, тогда язык никогда не претерпевал бы функциональный регресс: слова, обслуживающие мысль (семантику), производились бы автоматически!

4-й фактор — пластичность мозга — постулирует его потенциал к изменениям, способность прибегать к компенсации или восполнению поврежденной или исчезающей функции. Так, благодаря этому принципу (фактору) под силу любому человеку восполнить когнитивную силу своего родного языка, разработав для этого последовательную систему мер по его ревитализации.

Какой объект подразумевается под артефактом-3? Здесь предлагается изучить отправную точку (откуда «растут ноги» у всех действий человека, и физических, и ментальных) — этническое сознание носителей регионального языка, а именно то содержание, которое прямо или опосредованно связано с представлением миссии языка, обязательства, (не)желания его учить или повышать его функциональный уровень, со степенью мотивации делать или не делать это. При этом мы абстрагируемся от социальной причины ухудшения оборота регионального языка в стране — отсутствия среды коммуникации, осознание которого будет непременно присутствовать в артефактах. Предлагаемая методология рассматривает в рамках отдельно взятого носителя региональной культуры когнитивные явления, лежащие за его речевыми стратегиями.

Логично то, что исходной гипотезой исследования оснований функционального регресса должна служить идея о том, что определенная часть сознания является отрицательным фактором, не способствующим функционированию языка в поступательном направлении в целом и не оптимизирующим в этом отношении когнитивные и физические усилия и индивида, и этноса в частности.

Для последовательного описания структуры и содержания самосознания следует разработать комплексно-междисциплинарную методику экспликации этнического сознания, в которой основное место занимает эксперимент. К примеру, можно предложить совмещение качественной методики, контент-анализа, видеоизмененной методики семантического дифференциала (СД) Ч. Осгуда, тестирования по коммуникативным стратегиям. Включение классики экспериментального жанра — СД Ч. Осгуда — обосновано его эффективностью в выявлении стереотипов в аспекте *отношений* к объектам интереса, способов категоризации продуктов познания и ценностных ориентаций.

Кроме того, оправданным является включение психологического теста «Кто Я?» — выявление установки на себя. Эта методика восходит к работе М. Куна и Т. Макпартленда [10] и до сих пор пользуется широкой популярностью среди и психологов, и социологов как метод определения идентичности клиентов. Здесь научный интерес представляет то, что во множестве самохарактеристик респондентов выделяется то, насколько и на каком месте присутствует восприятие себя в статусе «калмык/бурят/эвенк/хакас и т. д.». Однако на этапе ознакомления с тестом не должна даваться подсказка или

подводка: *Какой признак имеется в виду под «Кто я?»*, а дается общее задание: *Перечислите свои характеристики / качества, которые говорят о том, кто вы.*

Что касается непосредственно заданий определения самосознания, ключевым заданием здесь может быть психосемантический эксперимент, предложенный В. С. Мухиной [3; 4]. В основе ее методики лежит концепция о пяти звеньях сознания: 1) имя / Я; 2) притязания на признание; 3) половая идентификация; 4) психологическое время; 5) восприятие социально-нормативного пространства. Логично будет показать эти звенья через проекцию языка и культуры в сторону расширения и углубления.

Одним из принципиально важных тестов является определение физического времени, ежедневно отводимого участником на говорение и пассивное слушание на родном языке. Основанием привлечения данного задания является нейрофизиологический принцип состязания языков в би- и полилингвальном мозге субъекта (артефакт–2). Если умозрительно заключить, то в день человек находится в мире текста в среднем 12 часов, как минимум. Это значит, что каждый акт процесса говорения и слушания производится при условии активации (= укрепления) нейронных соединений, ответственных за тот или иной язык. Для обеспечения равного баланса (= равного укрепления) языковых навыков билингв должен активировать и первый, и второй язык минимум по 6 часов.

С другой стороны, в современной двуязычной коммуникации существует отрицательная сторона, обусловленная психотипом носителя региональной культуры. Например, традиционной ценностью бурят является сдержанное поведение, подразумевающее закрытость и немногословность в речи. Следование данной высококонтекстной коммуникативной стратегии, по определению формирует привычку пассивного говорения в дву- и полиязычной ситуации: соответствующий участок мозга, работая изредка, обеспечивает слабую, или почти нулевую тренировку соответствующих нейронных связей, а русскоязычная среда — телевизор, работа, друзья, социальные сети, интернет-сайты — почти все 16 часов вне зоны сна усиливают функциональную мобильность русскоязычных эквивалентов, создавая сильных оппонентов.

С нейрофизиологической точки зрения, когда на весах стоит вопрос, каким образом добиться минимально 6 часов производства и восприятия речи на родном языке, и праздные речи (которые, согласно буддийской концепции духовности, являются пороком) также могут быть ресурсом, позволяющим укреплять нейронные сети языка с тем, чтобы в дальнейшем соответствующая лексика могла активироваться неосознанно легко. Другими словами, стремление прийти к равнозначному (в астрономическом смысле) объему времени является первым условием ревитализации любого регрессирующего языка, поэтому оно должно брать за основу последовательной, системно понимаемой языковой политики региона.

Как известно, методология совершения любого вида деятельности является его предтечей: чем более продуманной, системной и последовательной она является, тем более эффективным будет результат деятельности. Обра-

щение к теории артефактов как одна из рекомендаций к использованию в виде методологической канвы может соответствовать данному правилу, если все составляющие трех звеньев теории, будучи релевантно описанными, приведут к разработке системной программы языковой политики региона РФ.

Литература

1. Дашинимаева П. П., Тарасов Е. Ф. Когнитивная методология интерязыка: предварительные итоги // Вестник УРАО. 2008. № 4. С. 26–29.
2. Коул М. Культурно-историческая психология. М.: Когитоцентр, 1997. 432 с.
3. Мухина В. С. Возрастная психология. Феноменология развития. 10-е изд., перераб. и доп. М., 2006. 608 с.
4. Мухина В. С. Проблемы генезиса личности: учеб. пособие к спецкурсу. М.: Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина, 1985. 103 с.
5. Aitchison, Jean. Language Change: Progress or Decay? / 3rd ed. Cambridge University Press, 2001. 312 p.
6. Bichakjian B. Language Evolution and the Complexity Criterion: Target Article // *Psychology*, 1999. 10 (033).
7. Bichakjian B. Looking for Neural Answers to Linguistic Questions / B. Bichakjian // *Mirror Neurons and the Evolution of Brain and Language* / Ed. M. I. Stamenov and V. Gallese. Amsterdam: Benjamins, 2002. P. 323-331.
8. Bichakjian B. On Evolution in Language // *Language*, 2004. 80. P. 2–3.
9. Givón T. On understanding grammar. N-Y.: Academic Press, 1979. 379 p.
10. Kuhn M. H., McPartland T. S. An empirical investigation of self-attitudes // *American Sociological Review*. 1954. 19(1). P. 68–76.

METHODOLOGICAL RESTART OF ARTIFACT THEORY:
REGIONAL LANGUAGES FUNCTIONING DESCRIPTION

Polina P. Dashinimaeva

Dr. Sci. (Phil.), Prof.,

Buryat State University

24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia

The article proposes to consider applying Michael Cole's theory of artifacts as a methodological tool to describe modern problems of functioning of regional languages in Russia. The theory allows to study the object systematically in the sum of all components, which means that it offers an interdisciplinary research strategy. A new methodology, combining psychological and cultural ideas, the theory of the evolution of a sign, and neurophysiological factors of natural semiosis, could provide an opportunity to describe a regional language as a semiosphere — a multidisciplinary research field. If all the components of the three parts of the theory are relevantly described, researchers will be able to develop on their basis a system program for the language policy for the region, aiming at language revitalization.

Keywords: methodology, Michael Cole's theory, artifacts, regional language, revitalization.